

Казань. Типография Н. Е. Глазырина.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Раннимъ утромъ, — годъ тому назадъ, — на островѣ Березани царскіе опричники совершали кровавое дѣло: нѣмныя палачи и убійцы — они надѣялись пулями заставить умолкнуть славнаго борца и его товарищей.

Но пули не достигли своей цѣли: услышало море великій завѣтъ мученика и разнесло его по всей Руси многострадальной; услышали чайки, что шептали уста Шмидта и умирающихъ съ нимъ матросовъ, и полетѣли съ вѣстью ко всѣмъ, кто смѣло смотреть въ глаза смерти, отдавая жизнь за благо родины.

Шмидтъ умеръ, но имя его не умереть никогда!

И пусть эта поэма въ день годовщины его мученической смерти лишній разъ напоминаетъ о томъ, какъ онъ боролся за счастье отчизны, какъ смѣло пошелъ за нимъ его славные товарищи!

И. М. М. М.

6 марта 1907 г.

Надъ дымомъ пожаровъ,
Надъ вепломъ войны
Въ туманѣ кошмаровъ
Провосятся сны.

Какъ верная стена
Въ огнѣ обламовъ
Плывутъ вереницы
Мучительныхъ сновъ...

Безмучны, какъ горе,
Какъ сумракъ ночи,
На темномъ просторѣ
Плывутъ надъ страной ..

Толпой величавыхъ
Зловѣщихъ тѣней
На крыльяхъ кровавыхъ
Несутся надъ вой...

И родина слышитъ
Ихъ тайный полетъ,
Не спитъ и не дышитъ,
И ужасомъ ждетъ.

И порохъ дышитъ,
И полестъ иль крылъ
Тревожить молчанье
Священныхъ могилъ.

И жутая в глуши,
Рыдающа страна,

И грозны тѣ души,
Тѣ страшные сны...

II.

Въ тяжеломъ туманѣ
Мучительныхъ сновъ
Стираются грани
Минувшихъ вѣковъ.

И скорбь нависаетъ
Сивозъ трауръ знаменъ,
Опять воскресаетъ
Изъ мравз времени...

Ряды поколѣній
Томятся вдали,
Погибшія тѣни
Страдальцевъ земли.

Съ Голгофы Распятій
Гудятъ въ гробовъ
И ахо проклятій,
И скрежетъ зубовъ.

Надъ высяю кургановъ
Надъ гладью степей
Звучитъ въ тумановъ
Брицанье цѣпей.

Плыветъ въ безконечность
И будятъ тотъ звукъ
Безмолвную вѣчность
Схороненныхъ мукъ.

И вѣчность трещаетъ
Отъ скорби земной

И до неба плыть
Кровавой волной.

Растут до веника
Талантливый залъ,
И мчится сердито,
И блещет шпатель.

III.

Неизвестный Кто то
Встаетъ въ вышнихъ
И страшное что то
Пророчить страши.

Идетъ Онъ сурово
Съ писани въ рукахъ,
И вѣщее слово
Чертитъ въ облакахъ.

Но мракомъ опутанъ
Загадочный знакъ
И тайной окутанъ
Властительный мракъ.

Мы смотримъ украдкой
Въ пучину небесъ,
Тонемъ загадкой
За краснѣе закъ...

Стыдомъ безпрехватнымъ
И холодомъ тьмы,
И страхомъ смертельнымъ
Отмечены мы.

IV.

Чтоб, минуя раздумье
Возстать как боецъ,
О—нужно безумье
Великихъ сердецъ!

Пройти какъ зарница
По темной землѣ—
О, нужно родиться
Съ звездами на челѣ!

На горе и муке
Рождаютъ человекъ
Свободный, какъ море
И чистый какъ снѣгъ.

V.

О, не лгите надежды напрасныя!
Вѣсть за вѣстью газеты несутъ:
Узаконить дѣла ужасныя
Безнаказанно „праведный“ судъ...

О, не троньте нечистой рукою
Тѣхъ, чей жребій насъ скорбью томить...
Взоромъ роднымъ смотреть съ тоскою,
На устахъ ея слышится: „Шмагать“.

Смерть стоитъ съ титаническимъ молотомъ
Надъ чистѣйшими изъ чистыхъ людей...
Это намъ сверкающимъ золотомъ
Внѣзетъ мръ на скаржалу своей...

Никогда не всплѣтеть стражница
Съ золотымъ ореоломъ вѣнца.

И пройти по нежнѣ, какъ зарница,
Благородное имя берца!

VI.

Весь принять городокъ прикованный,
Только тѣни нѣтр. дѣй видны
И дрожить «гражданинъ» ободоланный
Подъ защитой ночной тизины.

И безмолвствовать люди трудные,
Какъ и всѣ мы —молчать какъ рабы
И влечать свои жизни тоскивныя
Въ ожиданьи удара судьбы.

Только трусость отъ смерти защита,
За героя —не встаетъ страна—
И судьба одинокого Шмидта
Неизбѣжно свершиться должна ..

Все молчать! Лишь одно на просторѣ
Высечено —свободно, какъ огъ,
Быть волной неугнѣнное море,
Омытая нѣмой бастіонъ.

VII.

Кроткій ручеекъ правого дѣла
Сердце роками тронуть не смѣя,
Местъ враговъ не мѣнять предѣла,
Палачей не растрогать Христосъ...

Имъ нежданны стыдъ и тревога,
Судъ небесъ не страшить палачей,

Дивный образъ Распятаго Бога
На присутствовать въ сердцахъ людей.

Красоту и величье вѣры,
И святую безсмертной души
Развѣ знаютъ бездушные зѣбры
Насъ, людей, пожирая въ тишѣ?

И доступны-ли горе, утрата,
Стыдъ и ужасъ—сознанью зѣбры?
Развѣ трогали сердце солдата
Беззащитные воли дѣтей?

VIII.

Въ дни декабрьскіе, дни величавые,
Незабвенные, страшные дни—
Находили вы лужи кровавыя
Гдѣ забудь подѣ стѣною, въ тѣни?

Вы ходили въ промѣстѣяхъ покорныхъ,
Мимо дымящихъ развалинъ домовъ,
Вы видали отъ копоти черныя
Мостовыя, всплывшія кровь?

Какъ преступникъ потупивши очи,
Подѣ покровомъ предательской тѣмн.,
Не принимали ль вы ужасамъ ночи
За выскокѣ стѣною торжамъ?

Вы стояли дрожа отъ страданія
За угломъ полицейскихъ частей.
Вы слышали тамъ вой и рыданія
Обезумѣвшихъ женъ, матерей?

Вы ходили съ идвою дрожавшею
На молитвахъ молить приставовъ,

Чтобъ позволили трупы лежаше
Осмотреть подь охраной штыковъ?

Вась терзали молябы нестерпимые
Предъ солдатскою злобой пѣмой,
Не жалавшей, чтобъ трупы любимые
Увезли изъ участка домой?

Вы видали: ребенокъ осмѣлился
Пересѣчь переулокъ бѣгомъ,
И—безусый солдатикъ прицѣлился...
Какъ за дичью слѣдить за врагомъ,

Перешелъ съ тротуара украдкою,
Смѣрилъ бѣгъ удалившихся ногъ.
И—спокойно съ усмѣшечкой гадкою
Опустилъ торопливо курокъ...

И—ребенокъ упалъ какъ подкошенный,
Приподнялся - и рухнулъ въ снѣгъ...
Этотъ выстрѣлъ ненужный, непростенный
Неужели ужаснѣе всѣхъ?

Чѣмъ вы пытки въ тюрьмѣ объясняете?
А сожженіе сдававшихся въ плѣнъ?
И не водкой-ли вы оправдываете
Эти дѣтскіе трупы у стѣнъ?

А ходыское поле позорное?
А разстрѣлы въ ночной тишинѣ?
Отъ кого это горе покорное,
Что царятъ повсемѣстно въ странѣ?

И надъ братомъ глауясь умирающимъ
Кто стоитъ безыщадно съ бичемъ?
По полямъ и деревнямъ пылающимъ
Кто проходитъ огнемъ и мечамъ?^ъ

Кто съ землею равняетъ жилища?
Кто насилуетъ женъ, матерей?
Кто изъ родины сдѣлалъ кладбище
И усылъ тѣлеса людей?..

Какъ со смѣломъ творить преступленья?
Поднимать свою руку къ ружью
И стрѣлять! приходить въ воступленья
Нисполняя „присягу“ свою...

Убивать... и кого, и за что же?
Но — избранныя совѣсть чиста,
Ей земная присяга дороже
Чѣмъ святые заветы Христа.

Палачи отдають приказанье
Палачи убиваютъ людей,
На землѣ не грозитъ наказанье
Судъ небесъ не страшитъ палачей...

Море крови встаетъ до зенита
Въ морѣ слезъ захлебнется страна
И — судьба одинокаго Шмидта
Неизбѣжно свершится должна.

IX.

Спать тюрьма. Въ казематы сосѣднія
Размѣстивъ солдатъ вокругъ него
Сторожить его пытки послѣднія
И послѣднія ночи его.

Въ часъ, когда притансъ по квартирамъ,
Мы, отъ жизни усталые, спимъ,
Отъ прощадется мысленно съ міромъ,
И проносятся жизнь передъ нимъ.

Озаряя кошмаръ безобразный
Дней суда, нестерпимыхъ какъ бредъ,
Воскресаетъ такъ ясно и свято
Чистый образъ пережитыхъ лѣтъ.

Вспоминается вольный, широкій
Жизнерадостный моря просторъ
И по немъ его путь одинокій
И вершины заоблачныхъ горъ.

Онъ томился въ унылыхъ долинахъ:
Тамъ лежалъ еще сумракъ вокругъ...
И любилъ онъ лучи на вершинахъ,
Окрылявшіе пламенный дуть.

Не мирилась съ всецѣльной ложью
Беззавѣтно отважная грудь,
Сердце чуло истину Божью,
И наставлялъ онъ истинный путь.

Тамъ, внизу копошились злѣбѣ,
Лживы, позорны въ злѣ...
И несчастны, и жалки пегмен
Тяжело съ ними жить на землѣ.

Царство Божіе будетъ не скоро,
Но, какъ храмъ оно свѣтитъ вдали...
Онъ не могъ оторвать уже взора
Отъ грядущаго счастья земли.

Будетъ день и сольются народы
Въ царствѣ братства немислимо зло...
И—подъ красное знамя свободы
Пимидъ склонялъ молодое чело.

Отдать душу труду созиданья,
Безъ остатка, всю душу свою...

Пасть за волю, за людей страдавших
Неукротимой жертвой в бою...

И ничто ему крыльев не снизвести,
И не нужно вѣнца на чело:
Онь пойдётъ, если сердце подскажетъ...
Но—плаче и быть не могло...

Онь любилъ свѣтозарное море,
Волный бѣгъ по лазурнымъ волнамъ...
Забывалось тамъ личное горе,
И избыточнымъ вѣдалось счастье.

Онь любилъ вѣтъ причудливости свѣта
Въ ослѣпительной гнѣзбѣ волн...
О, безумны вы, грезы поэта,
Вы избыточны свѣтлые сны!

И стремился онъ къ радости жизни,
Вѣдалъ въ смыслъ мировой красоты,
И мечталъ о счастливой отчизнѣ,
И любилъ онъ дѣтей и цвѣты.

Кругъ земной такъ немоленъ и тѣсенъ,
Но въ душѣ—безконечности мѣръ,
И любилъ онъ задумчивость плѣсней,
Улетавшихъ въ надвѣдную ширь.

И ловилъ онъ внимательнымъ слухомъ
Голосъ жизни, зноившій вдали...
О, безумны вы, чистые духомъ,
Безкорыстные дѣти земли!

X.

Шамать не спитъ, за стѣнами далеко
Слышатъ бой отдаленныхъ часовъ...

Еслибъ такъ за торжой одинокой
Вдругъ услышать прикличивный зовъ...

Сквозь рѣшотку окошка двойного
Онъ слѣдитъ за высокой стѣной,
Не услышитъ ли тайного зова,
Не мелькнула ли тѣнь подъ луной?

Но напрасно томить ожиданье:
Далеко, не откликнется смѣхъ...
Съ сердцемъ, полнымъ любви и страданья
Отъ одного, бесконечно одного.

XI.

Въ мертвомъ царствѣ тоски и торжества,
Въ этомъ гробѣ вѣномъ для жизни
Гдѣ то слышится тихое шѣптанье
За твердынею стѣнъ вѣкомыхъ.

Подъ торжанные своиъ возникалъ
То закрутъ, то растутъ голоса, !
Летятъ хоръ съ тихимъ слухомъ...
Такъ поютъ въ сладкомъ сѣѣ небеса...

„Море льдинъ...
„Царство сна...
„Бѣлая приборъ...
„Ты—одинъ.
„Ты—усталъ,
„Мы—съ тобой.

„Нѣтъ торжества!
„Тихий свѣтъ
„Високъ и високъ

„Тамъ, гдѣ мы.
„Смерти нѣтъ,
„Есть любовь!

„Смерть—какъ сонъ:
„Звуть молитвъ...
„Мы—цѣлты...
„Тяжѣ званъ...
„Муки биты
„Тамъ, гдѣ ты.

„Нѣтъ цѣлтовъ
„Тамъ, гдѣ ты.
„Нѣтъ любви...
„Нѣтъ словъ словъ,
„Сонъ мечты
„Нашъ—сонъ..

„Тамъ, вдали,
„Миръ тревогъ...
„Онь исчезъ..
„Сонъ земли
„Грѣшить Богъ,
„Богъ—небесъ...

„Море льды...
„Сини въ смѣль..
„Бьетъ прибой...
„Ты—одна,
„Ты усталъ,
„Мы—съ тобой!

„Тамъ, вдали,
„Новый миръ
„Тамъ—звѣзда..
„Тамъ—огни

„Сидеть и ширь
„Тамъ... туда...”

XII.

Она лежит и глядит на звёзду въ небесахъ
И усталую грудь обнимаетъ покой...
Видно, страшные сны снятся тамъ на часахъ:
Гдѣ-то вскрикнулъ во снѣ, простоналъ часовыхъ.

Звёзды смотреть во мглау
Одинокимъ торжымъ;
Гнѣютъ тѣни въ углу,
Выступаютъ изъ тѣни.

Тихій голосъ поетъ
Цѣлый хоръ голосовъ...
Кто зоветъ? Кто поетъ
Эту нѣжную божью словъ.

Легкій призракъ скользнуть
Отъ печальныхъ очей,
Вѣной дымкой обнять
Сонъ безсонныхъ ночей.

Это—смерть .. и всего?
Умереть—и уснуть ..
Тамъ, за ней—ничего...
Отдохнуть, отдохнуть!..

Не потупить очей
Передъ призракомъ она...
Это смерть... Блескъ скѣчекъ,
Дымъ надвигъ .. Тихій зовъ

И усталую грудь обнимаетъ покой...
Страшно—страшно стоять въ этой часъ
на часахъ...

Какъ темно на землѣ... Это — сонъ розовой..
Она лежитъ и глядитъ на зѣбду въ небесахъ

XIII.

Мрачно знаетъ холодная
Темная зала суда.
Гордо, походкой свободною
Снова она выходитъ туда

Тамъ за желѣзной решеткой,
Лисомъ пылкомъ огражденъ,
Съ радостью скѣдой и кроткой
Братьевъ приветствуетъ она.

Шмидта встрѣчаютъ съ любовью
Взоры матросовъ... «своихъ»
И обливаются кровью
Сердце при взглядѣ на нихъ.

Вотъ они, судьи почтенные,
Тѣ, что дадутъ приговоръ...
Взоры поднимать должновенные
Грозно молчать прокуроръ.

Рѣчь приготовлена страстная,
Все, что имъ нужно, въ ней есть:
Факты и быль безпристрастная,
Богъ, и присяга... в чисть.

Вотъ и защита казенная,
Дремлетъ уныло она...
Во время дымки закононою
Совѣсть очистить должна.

Вотъ и слѣпая орудія
Чьей-то могучей руки,

Тѣ, что творять правосудіе:
Франты, хлыщя, старичья...

Скронныя стогны Очакова
Видеть всерные тамнѣхъ:
Пахнеть духами отъ всякаго,
Пахнеть... и кровью отъ нѣхъ...

Цѣль «просвѣщенія мѣстнаго,
Вѣрные слуга истина»...
И на одного честнаго
Взоръ не встрѣчаетъ лица.

И у любого на совѣсти
Что нибудь черное есть.
Если прочесть бы нѣхъ повѣсти...
Гдѣ ты, военная честь?!

Скрыты дѣянія черныя..
Знавшіе—будутъ молчать...
Снова на лица позорныя
Канна ляжетъ печать.

Вновь задрожать «усмиренныя»,
Вынесутъ новый позоръ!
Руки, въ крови обрызанныя,
Будутъ писать приговоръ.

Въ эти то руки злодѣйскія
Отданъ нашъ доблестный Шмидтъ!
Смыли уста фарисейскія;
Въ нихъ краснорѣчье греметь:

«Мы, на посту добродѣтели,
«Мести злодѣю хотимъ!

«Силайтесь, братья-свидѣтели
«Дѣйте расправиться съ ними!»!

Въ каждомъ вопросѣ ихъ мѣсть и проклятье
Положъ глумленья допросъ.
Въ лица опричниковъ смотреть съ Распятія
Тихій и скорбный Христосъ.

XIV.

„Лжете, опричники! Сердце народное
„Глаголю въ скорбью полно,
„Но не валютнаго знамя свободное,
„Къ мести не звало оно.

„Знамя свободы въ выси развѣвается,
„Мы это знамя хранимъ..
„Тотъ, же чьимъ именемъ кровь проливается,
„Самъ преклонился предъ нимъ...

„Душу народа, въ мечты погруженную
„Вдругъ пробудили великіе дни!
„Всѣ, какъ одинъ съ головой обнаженной
„Гимну внимали они.

„Праздникомъ свѣтлымъ мечты завоеванной
„День незабвенный тотъ былъ..
„Всѣ свои муки народъ очарованный
„Всѣ свои скорби забылъ.

„Строилась чинно команда послушная;
„Съ сердцемъ, воскресшимъ изъ тьмы,
„Знамя свободы въ пространство воздушное
„Съ музыкой подняли мы.

„Тито торжественно знамя прекрасное
„Въ ясной лазури звнилось...
„Что-то глубокое, чистое, ясное
„Вдругъ надъ толпой пронеслось.

„Замерли крики и возгласы бурные...
„Новой Россіи оплотъ
„Всюду звивается знамя пурпурное,
„Радостно поднявъ ихъ флотъ.

„Тишь воцарилась. И лица суровыя
„Какъ у дѣтей расцѣли.
„Слышались вздохи, и слезы готовыя,
„Вдругъ заславъ — потекли.

„Слово закона рыданьями встрѣчено. .
„Вамъ—это звукъ лишь пустой...
„Вы не поймете душой некалѣченной
„Этой минуты святой.

„Плакалъ народъ въ эти дни невозвратные,
„Только минуту одну
„Слезы лились у него благодатныя—
„Ихъ отравили ему...

„Брать, поднимающій руку на брата...
„Нѣтъ! не таковъ нашъ народъ:
„Свято онъ вѣритъ, что будетъ распята,
„Грѣшныи Господней оль ждѣть.

„Сердцу народа гнусны преступленья,
„Онъ задохнулся отъ мукъ!
„Ужасы боины и адъ избиенья
„Это — плоды вашихъ рукъ!

• Но не открывать вамъ вашей вѣрою
• Честные дѣла труда:
• Выхлѣвъ строить не будутъ вамъ, вѣрун!
• Нѣтъ! никогда, никогда!

• Можете взять мою жизнь многолетнюю,
• Пыткою сдѣлать послѣдней мой часть,
• Вы не задумите правду безплотную,
• Мысль пробудившихся masses!

• Выхайте сотнями массы покорные,
• Жгите, душите кровавою тьмой,
• Стройте стѣной ашафоты покорные,
• Сдѣлайте родину страшной тюрьмой.

• Сдѣлайте такъ, чтобъ отъ дыма пожараго
• Черная ночь задохнулась сама,
• Сдѣлайте такъ, чтобъ отъ страха кашмарнаго
• Ваши же дѣла сходили съ ума!..

• Бросьте же рѣчи ненужныя, длинныя!....
• Эпики катрасовъ—не троните, судья!
• Мнѣ не простить вамъ ихъ жизни воен-
ных

• Казни вамъ нужно? Казните меня.

• Здѣсь я клянусь предъ Распятимъ
Спасителемъ

• Будь мнѣ свидѣтелемъ оны:
• Я знаю, что похлѣбать правителямъ,
• Вѣрять, что слово—законъ.

• Вѣрую въ слово и правду народную
• Вѣрую—время придетъ.
• Лягу спокойно въ могилу холодную...
• Съ твердою вѣрой въ Россію свободную,
• Съ вѣрой въ народъ!!!»

XV.

Такъ говорили они. И рѣчь вдохновенная
Залу суда потрясла:
Плывали и гда матросы смиренные,
Таща гробовая была.

Въ воздухѣ что-то воевало чудесное,
Замерли лица судей...
Чудо свершается, чудо небесное:
Слова въ глазахъ палачей. .

Слѣсно вошелъ въ эту залу невиданный
Тотъ, кому служить судья,
Шагнеть съ усмѣшкой, людьми козламиный
«И виновать, это—я!»

Странная тайна повисла на волосѣ...
Мигъ—и откроется вдругъ...
Взоры потупились. Въ трепетномъ голосѣ
Слышался странный испугъ...

Первый опомнился... задрогнулъ, воежался,
Выпалъ воды прокуроръ,
Взвѣсилъ, подумалъ,—задохнулъ и встревожился:
Надо спасать приговоръ!

Надо исправить минуту оплошности
Надо хорошій морить
Смытъ, потопить въ всеобъемлющей потлостѣ!
И—обливать перерывъ.

XVI.

Спать тырнѣ. Молчаливо и глухо. .
И опять одиночество за стѣмой
Человѣкъ величавого дуга
Человѣкъ красоты неземной.

За друзей онъ сегодня спокоенъ.
Изъ свѣта прочиталъ онъ въ слезахъ.
Какъ свѣтло онъ, какъ ясно настроенъ!
Сколько ласки въ печальныхъ глазахъ!

Вспоминаетъ, онъ слово привѣта,
Слово нѣжной заботы о немъ...
Сколько тихого тѣснаго свѣта
Въ этомъ сердцѣ, отъ скорби больномъ!

Какъ свѣтло, какъ легко ему дышется,
Онъ сказалъ, облегчилъ свою грудь...
И опять ему нѣмѣе слышится,
И хотѣлось бы лечь и уснуть...

Не страшить его утро грядущее
Не страшить роковой приговоръ:
Такъ отрады минуты бѣгущія,
Такъ широкъ его ясный просторъ.

Все затихло въ душѣ прямирежной.
И тревога, и горе и гнѣвъ
И звучитъ въ вышинѣ отдаленной
Свѣтлой пѣснью прощальный жавѣвъ.

XVII.

«Бѣлый лебедь летѣлъ,
«И за тучей исчезъ
«Бѣлый лебедь хотѣлъ
«Долетѣть до небесъ.

«Грозно туча гремѣла,
«Хмурясь черными челоуъ,
«И упалъ лебедь бѣлый
«Съ перебитыми крылоуъ...

«Лебеди! Крылья разбиты
«Бьютъ прибой,
«Плачутъ тучи сердитыя
«Надъ тобой.

«Плачетъ темная ночь надъ равниною
«Слезы льетъ
«Лебедь пѣсню свою лебединую
«Ея поетъ.

«Мѣсяцъ всталъ надъ вершиною
«И сновъ сонъ
«Пѣснь послѣднюю лебединую
«Слушалъ онъ

«Шелъ пѣвецъ надъ долиною,
«Шелъ къ горамъ
«И надъ пѣсней лебединою
«Плакалъ тамъ».

XVIII.

Льются, льются прозрачные звуки
Льется свѣтъ разгоняющій тьму,
Чьи то нѣжныя—нѣжныя руки
Протянулись съ любовью къ нему.

Чей то взоръ въ его мѣръ одинокій
Смотритъ вдалѣ съ неземной высоты
Кто то близится свѣтлымъ, далекий
Изъ тумана неясной мечты.

Чьи-то нѣжныя—нѣжныя руки
На усталое сердце легли,
Льются, льются прозрачные звуки
Замираютъ и таютъ вдалѣ.

XIX.

«Витязь сѣламе,
«Лебеди бѣламе
«Путь вашъ куда?
«Въ полночь глубокую
«Съ неба высокаго
«Пала звѣзда.

«Гдѣ вы рождаетесь, звѣздочки чистыя?..
«Счета имъ нѣтъ...
«Падаютъ—падаютъ звѣзды лучистыя
«Свѣтятся изъ слѣда.

«Витязь сѣламе
«Лебеди бѣламе—
«Путь вашъ туда!
«Въ полночь безвѣстную
«Въ бездну небесную
«Пала звѣзда»..

XX.

Завтра все: приговоръ и разсказъ
Все пройдетъ какъ плѣнительный сонъ
И прервется волшебная сказка
И умретъ бѣлыми лебедями сонъ.

Всѣ мы жить остаемся въ тиши...
Сня словно, людская защита!
И—не станеть прекрасной души
И не будетъ у родимы Шиндта...

XXI.

Къ переполненной чашѣ позора
Вновь прибавилась капля одна

И мучительный день приговора
Будет помнить надолго страна.

Не выщипалось въ сознаньи народа
Беззащитчиво—наглосе аз!
Только гибель и близость исхода
Предвѣщать оно строю могло.

Негодующій пламенный ропотъ
Въ дни суда раздавался крутомъ.
И таинственный слышался шопотъ,
Общавшій расплату съ врагомъ.

Городокъ волею Чернаго моря!..
Всѣ сердца захватилъ онъ одинъ.
Затаивши дышанье отъ горя
Ждали всѣ, что отвѣтитъ Чухиннъ.

Какъ въ логично задуманной сказкѣ
Стройнымъ цикломъ событія шли
И стремились въ фатальной развязкѣ,
И себѣ измѣнить не могли.

Грозной тѣнью возсталъ уже мститель
И каравшую руку простеръ
И казалось - смилчится гонитель, —
Но—Чухиннъ утверждалъ приговоръ.

Самъ старикъ и въ преддверіи гроба
Онъ кричавшую совѣсть презрѣлъ,
Побѣдила глубокая злоба
Передъ злобою умъ присмирѣлъ.

Нанесенная мстителемъ рана
Довершила вражду старика,

И не дрогнуло сердце тирани,
И, не дрогнувъ, писала рука.

И не зная онъ, во збрѣлъ, несчастный,
Довершить беззаконный позоръ,
Что въ моментъ этотъ краткій, ужасный
Онъ себя подписалъ приговоръ.

Быстро вѣсть облетѣла по свѣту
Приговоръ былъ классически строгъ.
Палачей призывая къ отвѣту
Нилъ судьба подвела свой итогъ.

И упали незримыя зорна
На безбрежную ниву страны,
Но изъ почвы кровавой и черной
Прорости они трижды должны.

XXII.

Все злило какъ кратеръ вулкана
Передъ тѣмъ, какъ тресется земля...
Было холодно, сыро и равно
Въ таломъ свѣтѣ дымилась поля.

Надъ безсонной тоской ожиданья
Провосылались злобѣщие сны...
Переполнилась чаша страданья
Жутко замерло сердце страны.

Отворялись невидимо двери...
Необѣжное къ Шмидту вошло
Въ ореолъ страданья и вѣры
Тихимъ свѣтомъ сіяло чело.

Правдѣ отдавший душу живую
До конца не утѣрять былъ въ ахъ...

Онъ не спалъ въ эту ночь роковую
И прощался со всѣмъ на землѣ.

Онъ писалъ привоя свои муки
Некупительной жертвой за насъ.
Врагъ вошелъ—наложилъ свои руки
И сказалъ, что настала его часъ.

Слышалъ мѣръ голосъ Шиндта призывный,
Дѣло Шиндта закончить народъ.
Какъ на праздникъ таинственно дивный,
Шиндтъ на казнь этой ночью пойдетъ.

Смерть—ничто передъ вѣчностью цѣлой
Смерть за вѣру—безсмертный протестъ,
И въ одеждѣ сверкающей бѣлой
Свѣтлый мученикъ приметъ свой крестъ.

XXIII.

Тихо, тихо качаются волны,
Тихо съ веселъ струится вода...
Тайны моря темны и безмолвны
Тайна жизни—уйдетъ навсегда

Лица блѣдныхъ матросовъ угрюмы
Безпомощность покорная въ нихъ
Кроткій отблескъ непонятой души
Робко замеръ въ сознаніи ихъ.

И бездѣрная жалость къ несчастнымъ
Къ этимъ темнымъ орудіямъ зла
Выжгла слезы и ужасомъ властнымъ
Всю послѣднюю горечь смела.

И послѣднимъ тѣнь возмущенія
Въ чистомъ сердцѣ погасла въ тотъ мигъ

И съ любовью, со скорбью прощенья
Шмидтъ смотрѣлъ на матросовъ нѣмыхъ.

Весь онъ былъ здѣсь индѣемъ бѣлымъ
Здѣсь — не здѣшняго міра житель!
Ровнымъ шагомъ спокойнымъ и смѣлымъ
Онъ на островъ вступалъ наконецъ.

И пятойю штыкомъ огражденныхъ
Изъ вѣка. Все затило вокругъ.
Отдѣливъ четырехъ осужденныхъ
Роховой зачарованный кругъ.

Подождалъ къ нимъ священникъ смиренный,
Живой жрецъ со святыней креста,
Рабъ трусливый въ одеждѣ священной
Продающій заветы Христа.

Представитель любви анкетной
И слугатель могучаго зла...
Онъ казался насѣшкой безвѣрной --
Та насѣшка позорна была.

И съ глубокимъ нѣмымъ сожалѣньемъ
Шмидтъ глаза передъ нимъ спустилъ...
Всѣхъ враговъ онъ простилъ съ умиленіемъ
И — священника тоже простилъ.

Все, что слѣдала темная злоба,
Онъ простилъ въ святомъ рубашѣ,
А четыре привезенныхъ гроба
Передъ нимъ стояли уже...

Всѣ четыре открыты, готовы...
Шмидтъ не могъ отвести своихъ глазъ
Въ каждый новенькій ящикъ сосновый
Люди, четверо, лягутъ сейчасъ.

Что-то горькое въ сердцѣ занимало
Предъ послѣднимъ босядствомъ судьей
И въ столбѣ надъ жившей могилей
Шиндль снѣжнѣе прислониться скорѣй.

Было холодно, сыро и рано.
За несенною далью моря
Въ разовѣющей дымѣ тумана
Лучезарно вставала зари.

И на всемъ необъятномъ просторѣ
Розовѣла лазурная тѣнь,
Звало въ даль золотистое море
Наступалъ ослѣпительный день.

Даль идетъ! Шиндль увидѣлъ начало,
Но—конца не увидѣтъ, ему!
Какъ струва его сердце звучало,
Ударясь въ могильную тѣму.

Бѣлоснѣжныя рѣкали птицъ,
Серебрились въ лазурныхъ волнахъ,
Какъ послѣднія мысли—зарницы,
Исчезавшія въ тропетныхъ снахъ.

Тамъ, подалъ стояла квадратомъ
Молчаливая кучка людей
Было стыдно и жутко солдатамъ,
Были тусклыми глаза у судей.

Шиндль стоялъ: весь сіяньемъ облитый
Говорить за товарищей тряхъ,
„Мы жалѣемъ васъ, братья—солдаты!
„Я простить. . да простить насъ и Богъ!“

Но солдаты и судьи молчали.
Шиндль вслѣлъ не закрывая глазъ
И, затихнувъ въ предсмертной печали,
Все кругомъ оглядѣлъ еще разъ. .

